

Кудашкин Вячеслав Александрович

ПРОЦЕСС АККУЛЬТУРАЦИИ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В 1920-1980-Е ГГ.

На основании архивных, устных и историко-этнографических источников в статье раскрывается национальная политика советского государства, оказавшая влияние на сложный механизм процесса аккультурации и формирование этнического самосознания у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в 1920-1980-е гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 102-105. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94/99

На основании архивных, устных и историко-этнографических источников в статье раскрывается национальная политика советского государства, оказавшая влияние на сложный механизм процесса аккультурации и формирование этнического самосознания у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в 1920-1980-е гг.

Ключевые слова и фразы: аккультурация; межкультурное взаимодействие; национальная политика; перевод на оседлость; коренные малочисленные народы; обрядовая культура; Восточная Сибирь.

Вячеслав Александрович Кудашкин, к.и.н., доцент

Кафедра истории и политологии

Братский государственный университет

Slava1982_@rambler.ru

ПРОЦЕСС АККУЛЬТУРАЦИИ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В 1920-1980-Е ГГ. ©

У каждого народа — своя история, культура, быт. Оленеводство, рыбный, зверобойный и пушной промыслы являются традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов, они определяют кочевые формы его ведения и соответствующий уклад жизни, очаговый характер расселения.

Итогом национальной политики в 1920-1980-е гг. явилось то, что культура малочисленных народов оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов и фольклора. Свою роль в этом сыграло уменьшение, а иногда и отсутствие финансирования советским государством мероприятий по сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов в XX в. [16, р. 117]. Таким образом, в указанный период у коренных малочисленных народов шел процесс, который в современной науке обозначен термином «аккультурация».

Под аккультурацией понимается процесс взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены [15, с. 101]. Следует различать аккультурацию и ассимиляцию, при которой происходит полная утрата одним народом своего языка и культуры при контакте с другим, более доминантным. При этом, несомненно, аккультурация может быть первой ступенью на пути к полной ассимиляции.

В отношении малочисленных народов советская власть видела возможность строительства социалистической доктрины, предлагая для малочисленных народов создание коммунистического государства. Таким образом, был разработан сценарий форсированного, «догоняющего» развития с целью прямого и непосредственного перехода к современным формам общественной жизни, «минуя капитализм» и иные предшествующие формы общественной организации.

В 1950-х гг. начинается процесс освоения новых территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. В районах проживания коренных малочисленных народов велась партийная работа агитбригад. Возглавляли эту работу руководители по социально-экономическому развитию, пропагандируя оседлый образ жизни и достижения коммунистической идеологии. Таким образом, советская власть пыталась путем оседлости превратить малочисленные народы Севера в часть советского.

В 80-е гг. XX в. в предперестроечный период у коренных малочисленных народов наиболее остро проявились проблемы, связанные с алкогольной зависимостью и отсутствием потребностей в национальной культуре. Руководители райкомов на местах стали замечать непоправимые ошибки, допущенные в национальной политике. Так, например, в 1984 г. директор Преображенского зверопромхоза Катангского района Иркутской области Г. Г. Верхотуров сказал: «Допущена непоправимая ошибка в национальной политике по отношению к эвенкийскому населению — когда коренные, кочевые и малочисленные народы насильственным путем перевели на оседлый образ жизни, считая это достижением социализма» [6, с. 103]. Таким образом, представители малочисленных этносов не смогли сориентироваться в новых условиях, которые им предлагало советское государство.

С окончанием Гражданской войны и утверждением советской власти в Сибири, наряду с началом изменения традиционных форм хозяйствования в 1925 г., началось уничтожение культурных традиций коренного малочисленного населения, в первую очередь — запрещение шаманизма как религии и лишение шаманов гражданских прав. Таким образом, по сути дела, шаманов стали уничтожать физически как носителей определенного пласта духовной культуры [10, с. 75].

Сначала в поселках было объявлено о добровольной сдаче в сельские Советы шаманских принадлежностей. Конечно, были и такие люди, которые не согласились с предложением и не подчинились. В 1929 г. все шаманы сначала были лишены избирательных прав, а затем и гражданских. Людей постигли тяжелейшие испытания. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области сохранилась только одна

тоненькая папка с несколькими бесценными документами, относящимися к 1935 г. и позволяющими судить обо всей тяжести сложившейся тогда ситуации [Там же, с. 17].

Многие из тофаларских шаманов, кто оставался жив, уходили жить в тайгу или становились охотниками-оленоводами. По словам А. И. Анциферова, русского уроженца п. Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области, «в 50-70 гг. XX в. в Тофаларии остались лишь потомки шаманов. К ним местное население обращалось редко» [Там же, с. 54]. Среди эвенкийских шаманов, проживающих на севере Иркутской области в 1950-1960-е гг., были Н. П. Коненкин, Н. Л. Каплин, В. С. Каплин (накановские эвенки), А. Н. Каплин, Г. (Гаврила) Каплин, В. А. Бояршин, М. И. Барнаулов, А. П. Каплина (ербогаченские эвенки) [14, с. 57].

Советская власть увидела в шамане своего противника, защищающего кулачество и мешающего созданию нового строя. По мнению американского профессора Рубел, «дети природы первыми почувствовали опасность бесцеремонного вторжения в древние традиции, жизненный уклад, духовные ценности коренных малочисленных народов» [16, р. 101].

Шаманы имели большое значение в традиционной культуре малочисленных народов. К ним обращались во всех трудных случаях. Шаманами считали людей, обладающих свойством «получать информацию» из мира духов. Довольно часто шаманы стояли во главе административно-налоговых подразделений, были старостами, являлись организаторами больших общественных праздников-обрядов [9].

Шаманы были не только прекрасными охотниками, но и теми, кого сейчас называют егерями и охотоведами. Среди них встречались талантливые певцы, сказители, художники, которые являлись хранителями национальной культуры. В 1975 г. в Ленинграде прошла международная научная конференция «Этнография и народная медицина», после которой шаманизм был, по существу, реабилитирован [16].

В 1970 г. профессор Рубел говорила: «Психотерапевтическое искусство древних врачей опиралось на многовековой опыт, и нет смысла отвергать некоторые их приемы только на том основании, что они “шаманские”» [17, р. 89]. Она поддержала нашего российского профессора, доктора медицинских наук С. Семичастного, который говорил, что «шаманские пляски – не кривляние, а мощное средство психотерапевтического воздействия» [7, с. 138]. На конференции медики, этнографы, историки, писатели впервые открыто говорили, что современные малые народности, развивающие свое врачебное искусство вдали от проторенных дорог мировой цивилизации, оказались достойными соперниками современных европейских медиков [8].

В исчезновении шаманства сыграли роль перевод малочисленных «кочевников Севера» на оседлость, обеспечение медицинской помощью и атеистическая направленность воспитания. Воспоминания о том времени живут среди эвенков и тофаларов; теперь об этом говорят открыто и без опаски, преобладает критический подход, шаманство оценивается как явление, шаманы — как слуги культа, знахари, мудрецы. Пожилые тофалары (70-75 лет) знают о существовании культовых мест, связанных с большими шаманскими камланиями, и могил шаманов. В конце 80-х гг. XX в. у шаманов уже не было ни бубна, ни специального костюма. Они занимались предугадыванием будущего, изредка лечением. В 1989 г. умер последний шаман катангских эвенков, в 1993 г. — у тофалар [9].

На севере Красноярского края у долган и нганасан шаманизм достаточно долго сохранялся. Последний шаман прожил до 1978 г. и оставил после себя учеников Леонида и Илью Костерковых [13, с. 221]. Но после окончания школы-интерната они забыли все обряды и процесс камлания (ритуальный танец шамана), так как к моменту их возвращения в поселок учитель был уже мертв, и не осталось человека, который помог бы им совершенствовать полученные знания и навыки. Таким образом, в современных условиях знания этих шаманов оказались невостребованными. Такая ситуация сложилась за счет перевода на оседлость тофаларов в 20-х гг. XX в., а малочисленные народы, проживающие на севере Красноярского края, к оседлости стали «приучать» ненасильственными методами только в конце 60-х гг. XX в., но этническое самосознание и обрядовая культура пострадали, растворяясь в культуре «советской цивилизации». Этому способствовала политика ликвидации безграмотности, проводимая СССР среди коренных народов Севера путем создания школ-интернатов.

В настоящее время у всех коренных малочисленных народов сохранились лишь воспоминания о шаманстве [9]. В современной пореформенной России шаманизм как признак духовной культуры сохранился благодаря национальным краеведческим музеям и этнокультурным центрам, созданным в местах проживания представителей из числа коренных малочисленных народов.

Одним из примеров аккультурации духовной культуры, свидетельством межэтнического взаимодействия, является изменение свадебных и похоронных обрядов. С переходом на оседлый образ жизни, в результате ассимиляционных процессов и аккультурации с пришлым русским населением, кеты, эвенки и тофалары стали прибегать к «новомодным» ритуалам. С начала 60-х гг. XX в., в свадебном обряде мужчины-тофалары стали надевать мужские костюмы или пиджаки и брюки с начищенными сапогами, а женщины белое или самое нарядное платье. После регистрации в администрации празднование стало продолжаться сытным застольем [10, с. 75].

В отличие от кетов, эвенков и тофаларов Иркутской области, у нганасанов и долганов в конце 60-х гг. XX в. свадебный обряд не изменился. По данным красноярского этнографа В. П. Кривоногова, «...они продолжали создавать семьи с представительницами ненецкого населения, проживающего на западе полуострова Таймыр, а доля браков с русскими составляла всего 4%» [8, с. 108]. В основном эти браки не

регистрировались. От браков с русскими и другими национальностями до начала 70-х гг. XX в. этнос был защищен кочевым образом жизни.

Рассматривая проблемы сохранения культурных традиций у малочисленных народов изучаемого региона, важно упомянуть о похоронном обряде. В 30-е гг. XX в. «тофалары хоронили покойников в так называемом воздушном захоронении» [12, с. 310]. Такая же традиция существовала у эвенков, проживающих в Иркутской области и Красноярском крае. С приходом «советской практики» погребальный обряд изменился.

Отдельные сообщения, полученные от информаторов Е. Г. Киштеевой, Н. И. Адамова (п. Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области) в 2009 г., говорят о том, что «тофалары “чувствовали”, как умерший в течение десяти дней ходит вокруг того места, где умер», поэтому на могиле они оставляли для него пищу и водку. Покойник беспокоил людей в том случае, если во время похорон был нарушен какой-нибудь обычай, или не было удовлетворено какое-либо его желание [9].

«Если вскоре после смерти одного человека умирал другой, тофалары объясняли это тем, что его увел с собой первый или он не был похоронен по национальным обычаям» [1, с. 19]. Погребальный обряд был полностью похож на русский. Но отличие было лишь одно, памятник с фотографией у тофаларов не ставился. «Тофалары к нововведениям относились нехорошо, но со второй половины 50-х гг. XX в., с распространением поминального обряда, тофалары привыкли к этой традиции как к поводу употребления спиртного» [9].

У нганасан и долган не было кладбищ. В тундре до начала 50-х гг. XX в. тянулись вереницы нард и покосившихся от времени деревянных чумов. На нардах лежали предки, зашитые в шкуры. Это были старые нганасанские могилы. Люди сюда не приходили, так как пути живых и мертвых не должны были пересекаться. Таким было главное табу и закон нганасан и долган. Только с переходом на оседлость они стали хоронить мертвых в земле. Могилы отмечали не крестом, а простой палкой. Но закон «не посещать кладбище» сохранялся и строго соблюдался. Такой запрет мог нарушить только нганасанский шаман.

В целом, характеризуя процесс аккультурации в изучаемый период, можно отметить, что политика советской власти была отчасти направлена на поддержание коренного малочисленного населения, проживающего на территории Восточной Сибири. Но советское руководство не учитывало ментальные особенности малочисленных этносов, пытаясь сделать из них «советских людей».

В силу вышеперечисленных особенностей, культурные процессы у долганов и нганасанов Красноярского края проходили активнее и быстрее, чем у тофаларов и кетов в Иркутской области, что, в свою очередь, ускоряло процесс межкультурного взаимодействия традиционного и нового. У тофаларов и кетов Иркутской области шаманизм исчез быстрее, потому что, с одной стороны, это была государственная политика в отношении религиозных традиций. С другой, проживая в поселках, этносы быстрее теряли свою национальную идентичность, в отличие от большинства долган и нганасан, которые проживали на Таймыре, вели кочевой образ жизни и перешли на оседлость лишь в 60-70-е гг. XX в. Благодаря этому, последним удалось сохранить часть национальной обрядовой культуры – шаманизм.

Для создания социалистических очагов культуры в 50-60-е гг. XX в. советская власть открывала клубы, библиотеки [3, д. 11, л. 14], стали работать первые кинопередвижки. Они вносили «новое» в культуру коренного населения. Только после постановления Совета Министров СССР от 15 апреля 1977 г. № 4757-16 «О вопросах экономического и культурного развития районов проживания коренных малочисленных народностей Севера» клубы начали проявлять интерес к национальной самодеятельности. Например, в Тофаларии в конце 70-х гг. XX в. все чаще клубные работники стали привлекать знатоков фольклора на сцену, начали создаваться национальные ансамбли песни и танца, стали заказывать театрализованные костюмы в районных и областных ателье [Там же].

Для сохранения элементов национальной культуры у малочисленных народов в органах управления областей, краев и администраций должны были действовать координационные советы по обслуживанию малочисленных народностей, в состав которых могли входить директора окружных и центральных районных библиотек, руководители культпросветучреждений, органов управления культуры, хозяйств района. Учитывая тенденцию объединения культпросветучреждений на единой организационной и финансовой основе, в национальных поселках координационным советам целесообразно было повсеместно организовывать действие агитационно-клубных бригад.

В их состав нужно было включать библиотечных работников для доставки книг в бригады оленеводов, рыбаков, охотников, проведения индивидуальной работы с читателями. Необходимо было предусмотреть увеличение обеспеченности кадрами библиотек в районах проживания малочисленных народов Восточной Сибири, «усовершенствовать систему отбора из коренного населения абитуриентов для направления на целевую учебу в высшие и средние специальные культурно-просветительные учебные заведения. Таким образом, советская власть пыталась обеспечить связь культпросветучреждений на местах с общеобразовательными школами и другими учебными заведениями с целью профориентации подростков» [4, с. 20]. К сожалению, не все эти мероприятия воплощались в жизнь. Многие из них так и остались невыполненными распоряжениями и предписаниями на бумаге, что, в свою очередь, отразилось на попытке сохранения культурных особенностей у коренных малочисленных народов.

Таким образом, рассмотрев взаимодействие традиционной культуры коренных малочисленных народов и советской культуры, можно сделать следующие выводы. Приобщившись к новой для них духовной культуре, коренные малочисленные народы утратили многие черты своей традиционной обрядовой

культуры как элемент старой кочевой жизни. От национальной традиционной культуры у них остались лишь навыки оленеводства, таежных и тундровых промыслов. Политика оседлости, проводимая советским государством в XX в., сломала привычные представления о жизни у коренных малочисленных народов. Государство пыталось превратить их из отсталых народов в «советских людей». Атеистическое воспитание советского народа, пропагандируемое коммунистической идеологией, коснулось института шаманизма и привело к полному его уничтожению у кетов, тофаларов, долганов, нганасанов, эвенков и др. Культура шаманизма сохранилась лишь на базе этнокультурных центров в виде музейных экспонатов и театрализованных представлений. Коренные малочисленные народы стали праздновать советские праздники, совершать бракосочетание и устраивать свадьбы по общепринятым в стране «стандартам», хоронить своих покойников по христианским и «смешанным» обрядам. В области обряда духовной культуры они приобщились к общесоветскому стандарту, хотя в последние годы советского периода наблюдалось возрождение интереса к национальной культуре и языку.

Малочисленные народы были вырваны из привычного, формировавшегося веками уклада жизни. Государство само определяло, как люди должны организовывать свою культуру, быт, структуру повседневной практики. Перемены коснулись практически всех сторон жизни. Таким образом, в XX в. малочисленные народы прошли сложный исторический путь развития, обусловленный переходными периодами смены общественной формации, а, значит, и трансформировали свое мировоззрение, оказав влияние на изменение института «обрядов» как главного показателя духовной культуры.

Список литературы

1. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.
2. Бородин Ф. М. Социальная политика в регионе: проблемы и пути их решения // Изв. Сиб. отд. АН СССР: регион, экономика и социология. 1991. № 2. С. 65-74; № 3. С. 42-52.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 258. Оп. 2.
4. Косыгина Т. Везде хорошо, а олени лучше: о проблемах библиотечного обеспечения в Эвенкийском автономном округе // Библиотека. 1996. № 3. С. 18-20.
5. Кривоногов В. П. Народы Таймыра. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2001. 280 с.
6. Кудашкин В. А. Кризис социокультурного развития у малочисленных народов Средней Сибири // Гуманитарные исследования Сибири в контексте Российских перемен: материалы всероссийской научно-практической конференции. Братск, 2006. 255 с.
7. Кудашкин В. А., Янюшкин С. А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х – 1991 гг.: монография. Братск, 2009. 212 с.
8. Кудашкин В. А., Янюшкин С. А. Этническое самосознание тофаларов // Труды Братского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов». Братск, 2007. 262 с.
9. Материалы историко-этнографической экспедиции: март, 2009 г., п. Алыгджер, п. Нерха Нижнеудинского района Иркутской области.
10. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994. 272 с.
11. Последний шаман // Локальные истории / Фонд культурных инициатив. Норильск, 2004. 142 с.
12. Репрессированные этнографы / сост. Д. Д. Тумаркин. Изд-е 2-е. М.: Вост. лит., 2002. Вып. I. 343 с.
13. Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – Иркутск: Оттиск, 2002. 262 с.
14. Стриганов В. М. Развитие культуры и искусства северных народностей // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1986. 246 с.
15. Суляндзига Р. В., Кудряшова Д. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: обзор современного положения. М., 2003. 260 с.
16. Charet P. Tribal People of the North and the Territorial Problem. Toronto, 1988. 126 p.
17. Rubel P. G. Ethnic Identity among the Soviet Nationalities // Soviet National Problems. N. Y., 1971. 280 p.

SMALLER PEOPLES' ACCULTURATION PROCESS WITHIN EASTERN SIBERIA UNDER SOVIET SYSTEM CONDITIONS IN THE 1920-1980S

Vyacheslav Aleksandrovich Kudashkin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
Bratsk State University
Slava1982_@rambler.ru

Basing on archival and oral historical-ethnographic sources the author reveals the Soviet state national policy, which had impact on the complex mechanism of acculturation process and ethnic identity formation among smaller peoples of Eastern Siberia in the 1920-1980s.

Key words and phrases: acculturation; intercultural interaction; national policy; transformation to sedentary; native smaller peoples; ritual culture; Eastern Siberia.